

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	8
ВВЕДЕНИЕ	17
О чем эта книга	19
Быть православным: номадические формы религиозной жизни	24
Особенности антропологической работы в православном поле	43
Ритуал и его руины	54
ГЛАВА 1. АВТОБУСНИКИ.....	61
Организатор паломничества как педагог и камертон	65
Моральная экономика паломничества	77
Тело паломника	83
Повседневная герменевтика.....	110
Завет: забытая практика	115
ГЛАВА 2. НАМОЛЕННОЕ МЕСТО	121
Намоленность и подлинность.....	123
Богородица девонского разлома	129
Экопатриотизм и реставрация традиции	167
Тело как место: мощи и ароматы святости.....	179
ГЛАВА 3. СВЯТЫЕ	199
На остров Божественной любви.....	202
Паломники и туземцы.....	205

Старцы и природа религиозной харизмы.....	210
Как стать старцем	220
От портретов к иконам.....	228
Топография святого места и дебаты о святости.....	253
«Как будто кто тебя изнутри почистил»: терапевтический курс в православном паломничестве	257
Глава 4. Паломничество без боли: ПРАВОСЛАВНЫЕ ВЫСТАВКИ-ЯРМАРКИ И РЕЛИГИОЗНАЯ МОДЕРНОСТЬ.....	263
Православный флешмоб: место встречи.....	266
Бренд и контрафакт.....	270
Купцы и миссионеры.....	279
Благотворительность, милостыня, посильная помощь.....	284
Делегированная молитва	295
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	307
Сокращения.....	314
Источники.....	315

Моим родителям

Предисловие

Несколько лет назад коллега попросил меня помочь одной его знакомой — норвежскому художнику и режиссеру Беате — с ее новым проектом. Беата собирала материал для своего фильма, посвященного святой Ксении Блаженной, и нуждалась в переводчице и консультанте. Я взялась ей помогать, но не только потому, что не нашла причин для отказа — у меня был корыстный интерес. В тот момент я ощущала смутную потребность в том, чтобы мои долгие опыты по изучению современного православного паломничества, в том числе и к часовне святой Ксении на Смоленском кладбище, получили какой-то толчок. Этим стимулом, как мне тогда казалось, мог стать диалог о привычных для меня сюжетах с человеком, не имеющим прямого отношения ни к православию, ни к антропологии религии. Другими словами, мне был нужен взгляд на знакомый предмет со стороны. Возможно, думала я тогда, это поможет мне наконец приступить к книге, которую давно было пора начать писать. И, кажется, я приняла тогда правильное решение, получив тот взгляд со стороны, который помог понять, чего я хочу от своего будущего сочинения и, главное, как вижу предмет исследования.

Беату, как она подробно объяснила в своем имейле, предварившем наше знакомство, более всего интересовал особый статус петербургской святой: Ксения именуется блаженной, или юродивой. «В фильме, — писала Беата, — будет рассказываться о жизни и деяниях Ксении, но я также хотела бы провести линию от нее к древним юродивым, а также к тому, как юродство существует, в качестве символа, в российском обществе сегодня, не только среди верующих, но и в контркультуре. Мне хочется понять, какое значение имеет фигура блаженного

в современном обществе. Представляет ли собой выступление “Пусси Райот” в храме Христа Спасителя продолжение традиции юродивых, как сказала Надежда Толоконникова в суде?»¹.

За несколько лет до нашей встречи эта участница московской панк-рок-группы «Пусси Райот» во время оглашения приговора в суде в последнем слове сравнила свой творческий коллектив со скоморохами, шутами и юродивыми, которые не несут зла и не сеют вражду. Группа стала широко известной из-за реакции государства и общества на ее короткое выступление в храме Христа Спасителя: трем участницам акции присудили тюремный срок за оскорбление чувств верующих, а российское общество в своем большинстве согласилось с необходимостью наказания. Для одних внешних наблюдателей и аналитиков эта история стала доказательством притеснения свободы слова в России, для других — поводом порассуждать об особости страны. Известный протестантский теолог из Гарварда Харви Кокс-мл. спустя неделю после оглашения решения суда опубликовал газетную статью «Иезекииль, Ганди и “Пусси Райот”», где писал, что участницы панк-рок-группы представляют бережно сохраняемую духовную традицию православной церкви, возрождая наследие юродивых. На протяжении веков православные теологи, пишет Кокс, видели в юродстве аутентичную форму аскетизма, а в блаженных — людей, которые, используя провокативные действия, сообщают окружающим нечто такое, что тем необходимо услышать. Он предлагает понимать юродство как особое русское культурное наследие, упоминает известные культурной публике примеры русских блаженных — князя Мышкина из романа «Идиот» Достоевского и юродивого из оперы Мусоргского «Борис Годунов» — и помещает акцию панк-рок-группы в тот же ряд [Сох 2012]. Кокс, в соответствии со своей теологической и культурной тради-

¹ Имейл от Беаты П. от 21.01.2016.

цией, видит в религии пространство возможности для прорыва к свободе, индивидуального поиска и построения личных отношений с Богом. В этой системе координат православие, с его почитанием святых и материальностью иконопочитания, вообще выглядит экзотичным или, во всяком случае, другим [Hann, Golz 2010; Luehrmann 2018].

Для меня же все перечисленное не было экзотикой. К моменту знакомства с Беатой мой исследовательский проект по современному православному паломничеству погрузил меня в поток православного благочестия современных горожан, которые в большинстве своем были далеки не только от восхищения скандальной харизмой религиозных виртуозов, но и просто от регулярной церковной жизни. Часть работы, связанная с почитанием Ксении Блаженной, уже была к тому моменту опубликована в статьях (и не вошла в эту книгу), и в наших разговорах с Беатой я пересказала то, что до этого писала, сама или в соавторстве, о причинах популярности этой святой и формах ее почитания, о религиозных практиках за пределами церковных стен и контроля, о недоверии к институтам и индивидуализации религии. Те люди, что приходили к часовне Ксении на Смоленском православном кладбище в Санкт-Петербурге, искали в религии пространство порядка, стабильности и справедливости (хотя часто и опасались всерьез погрузиться в мир церковной дисциплины). В одном из писем верующих к святой, посланных на адрес прихода храма Смоленской иконы Божией Матери, ее часовня была названа «всемирной приемной», таким местом, где проситель встречается с представителем власти и все происходит упорядоченно и надежно, как издавна заведено.

Похожим образом переживала это и Мария, 20-летняя студентка, которая вызвалась рассказать нам с Беатой о своем почитании блаженной Ксении. Мы брали интервью с ней в большой богемной квартире в центре Санкт-Петербурга, часть кото-

рой была превращена в арт-пространство, где иногда проходили разные художественные события. Маша была несколько смущена интересом к ее религиозной жизни, которая в силу ее юного возраста казалась ей не заслуживающей такого внимания, но последовательно и методично отвечала на наши вопросы.

Она впервые попала в часовню, когда приехала из родного сибирского города поступать в университет. Количество верующих в будний день у часовни поразило ее, так же как ощущение там порядка, покоя и уюта. «Когда я зашла, вот эта атмосфера, эти ощущения — они были непередаваемые: будто бы я пришла к себе домой. Мне казалось, что это настолько родной человек, как я прихожу к бабушке в гости, примерно это было то же самое»². Желание Марии поступить в университет сбылось, и, к ее радости, студенческое общежитие оказалось неподалеку от Смоленского кладбища. С детства привыкшая к регулярному посещению церкви, она стала ходить в приход храма на Смоленском кладбище и еще чаще — к часовне. За пару месяцев до нашей встречи, в преддверии дня памяти Ксении, Мария стала рассказывать в социальных сетях, которыми пользуется, об этом месте и предложила всем желающим присылать ей записки, обращенные к святой. Результат превзошел ее ожидания: Марии написало так много людей, с обезоруживающей откровенностью рассказывавших о своих проблемах, тяжелых и даже трагических обстоятельствах, что некоторое время она могла заниматься только этим — распечатывала или переписывала записки и относила их к часовне, отвечала на письма и сообщения в своих аккаунтах в социальных сетях. Некоторые истории были настолько жуткими, что Мария часами плакала от бессилия, невозможности чем-то помочь их авторам и фигурантам. Иногда она старалась дать дельный совет, как в случае с женщиной, зараженной во время меди-

² Интервью с Марией 1996 г.р., г. Санкт-Петербург, 02.2016.

цинской процедуры гепатитом, стыдившейся своего диагноза и не видевшей никакого выхода, кроме получения чудесной помощи от Ксении. Мария посоветовала ей сделать что-нибудь самой — например, обратиться в благотворительные фонды за помощью. Не то чтобы она не верила в возможность чудесного разрешения проблемы после молитвы к святой, но молитве, по ее мнению, должна сопутствовать и собственная работа над проблемой. Сама она просила Ксению о чудесной помощи, когда поступала в университет, но добилась успеха — она это подчеркнула — благодаря собственным усилиям.

В своем рассказе об опыте своеобразного религиозного волонтерства и о личном почитании Ксении Блаженной Мария говорила о святом месте, связанных с ним эмоциях, его силе, притягивающей паломников, приходящих и приезжающих к нему или посылающих туда письма, но сама фигура святой, а тем более ее статус юродивой, совсем ее не занимали. Такие яркие детали жития Ксении, как смена собственного имени на имя безвременно умершего мужа и переодевание в его одежду, были для нашей собеседницы, недавно вышедшей замуж, лишь свидетельством сильной супружеской любви. В отличие от Беаты, она не готова была увидеть в смене одежды и имени намеки на трансгендерность Ксении или прочесть приобретение ею статуса вдовы как освобождение от патриархального семейного устройства. Тем более Марии не приходило в голову думать о Ксении как о воплощении политического протеста, активистке, которая принимает на себя подвиг юродства, чтобы обличать сильных мира сего или, при отсутствии площадок для открытого обсуждения общественных проблем, служить гласом безмолвного большинства. Выражением юродства, личиной безумия, под которой скрывалась подлинная святость, для Марии, как и многих других верующих, было добровольное изменение Ксенией своего социально-экономического статуса, сознательный отказ от комфортной жизни в своем доме,

раздача имущества и жизнь на улице. В стране, где многие не понаслышке знают о бедности и помнят нищету 1990-х годов, именно это — настоящий признак юродства. Она беднее всех, кто к ней приходит за помощью, и ее убожество, вместе с перенесенными страданиями, делают ее понимающей, сострадающей и близкой. Юродству (какое искала Беата и другие, искренне интересующиеся русской культурой и ее будущим люди) как островку потенциального либерализма, странному, одетому в экзотичные наряды, но все-таки узнаваемому для западного взгляда, юная Мария противопоставляла юродство консервативное.

Я была рада, что Беата не стала спрашивать Марию о юродстве «Пусси Райот», и благодарна им обоим за то, что они помогли мне увидеть связь между разными сюжетами, из которых сложилась эта книга, и мое место в ней как исследователя и рассказчика. В сущности, обе они, каждая на свой лад, искали в религии аутентичность, лаконичную аксиому русскости в одном случае и подлинность экзистенциального опыта — в другом. Моя же дорога в эту страну была совсем иной, но без знания других путей, в том числе и подсказанных мне Марией и Беатой, она осталась бы для меня закрытой.

Многим замечательным людям я благодарна за помощь в работе над этим многолетним исследовательским проектом. Начинался он в рамках работы этнографической экспедиции факультета антропологии (тогда — этнологии) Европейского университета в Санкт-Петербурге под руководством Александра Панченко и Сергея Штыркова. Мои коллеги по экспедиции Анна Кушкова, Маша Вадейша, Елена Мигунова, Александр Львов, Марина Хаккарайнен, Екатерина Мельникова, Оксана Филичева, Вероника Макарова, Светлана Подрезова, Виктория Панченко щедро делились собранными материалами, светлыми идеями и человеческим теплом. Вместе с Анной Кушковой,

Наташей Окашевой и Татьяной Ваграменко мы ездили в первые для меня паломнические поездки. Мои преподаватели по Европейскому университету, в котором я окончила аспирантуру, учили меня смелости и самостоятельности, требовательности к себе, и если что-то из этого мне не вполне удастся, это точно не их вина. Я всегда вижу Альберта Кашфулловича Байбурина главным критиком, читающим мои тексты, даже если он этого вовсе не делает.

Несколько фондов поддерживали мое исследование на разных этапах. Часть полевой работы была сделана в рамках коллективного проекта о жизни православных общин под руководством Александра Агаджаняна и Кати Русселе при поддержке гранта РГНФ. Сотрудничество Юлии Андреевой, работавшей со мной по этому проекту на острове Залита, неоценимо. Грант INTAS сделал возможным мое знакомство с Саймоном Коулманом, чьи увлекательные работы по антропологии паломничества во многом определили направление моего научного поиска. Этот же грант позволил мне провести два месяца в Институте Макса Планка в Халле, где в это время работала интересная группа молодых антропологов, изучавших разные аспекты современного православия в России. Для меня много значили разговоры, академические и душевные, с Детелиной Тошевой и Тюнде Комароми. Руководитель проекта и института Крис Хан потратил много времени и сил на редакторскую работу над моей казавшейся безнадежной статьей о тоске по аутентичности. Его упорство и терпение многому меня научили. Приглашение Сергея Ушакина к участию в специальном выпуске журнала «Ab Imperio», посвященном номадизму, помогло мне сформулировать несколько идей, важных для этой книги. Проект SSRC о молитве в православном христианстве под руководством Сони Лурман дал мне возможность не только дополнительного полевого исследования, но и продуктивной работы в коллективе друзей и коллег, увлеченных антро-

пологией религии, — Энжи Хэ, Дарьи Дубовки, Симиона Попа, Джефферса Энгельхардта и Влада Наумеску. Соня, чьей дружбой я дорожу и горжусь, сделала для завершения этой книги больше, чем может себе представить. Также я благодарю Катрин Ваннер за полезные советы и поддержку. Высшая школа экономики, в которой я работаю, дважды давала мне гранты на разные части исследования, поддерживала мои поездки на конференции и предоставила ценную возможность опубликовать рукопись в университетском издательстве.

Особая благодарность — вольным и невольным участникам моего полевого исследования, тем, кто был готов говорить со мной, порой в формате интервью, а порой — дружеской беседы, о своей религиозной жизни и впускать меня в эту жизнь. Надеюсь, я никого не подвела и ничего не переврала. Я благодарна многим, в их числе Вере Михайловне Бебениной, Мелитине Анатольевне Ладинской, Валентине Романовне Кауровой, Галине Викторовне Петровой, Инне Постоян, Ольге Суворовой, Алексею Новожилову, Юрию Кульбаке и Ольге Лозе. Особое спасибо за гостеприимство и дружбу Ольге Братенши и Юлии Худяковой.

За внимательное чтение рукописи книги я благодарна Александре Касаткиной, Дарье Дубовке и Доминику Мартину. Если бы я сумела учесть все их замечания и рекомендации, книга бы точно стала много лучше.

Мои родители и сестра верили в меня, и я всегда чувствовала их поддержку. Яша стал счастливым прибавлением в моем научном путешествии. Без Сергея этой книги никогда бы не случилось. Ему — моя самая сердечная признательность.

ВВЕДЕНИЕ

О чем эта книга

Эта книга — о религиозной жизни российских православных христиан. У многих из них эта жизнь проходит за пределами церковных общин и монастырей, во время паломнических поездок и посещения православных ярмарок или участия в других видах деятельности, позволяющих пережить личный религиозный опыт и чувство принадлежности к сообществу верующих. В книге предлагается называть такие практики номадическими, в противоположность регулярной религиозной жизни, локализованной в пространстве церковной общины, а само явление — православным номадизмом.

Номадизм означает не спорадическую миграцию в случайных направлениях; напротив, он предполагает осмысленное перемещение между определенными точками в рамках известного кочевникам ландшафта, в нашем случае — культурного ландшафта, понимаемого как православный. Номадизм предполагает и высокую степень свободы: место и время паломничества определяются законами рынка, а не плановой экономики. Нет такого единого института, который контролировал бы паломнические маршруты. Произносимые организаторами паломничеств тексты ни с кем заранее не согласовываются.

Внешнему наблюдателю православный мир может показаться статичным и ригидным, но в действительности он наполнен движением. Двигаются сами верующие от одного места притяжения к другому. Совершают туры мощи святых и другие священные предметы, перемещаясь из мест постоянного пребывания в места большей доступности для верующих. Выходят за пределы храмов священники, совершая крестные ходы к старым деревенским святыням или служа панихиды на могилах старцев. Для участия в православных выставках приезжают представители дальних приходов и монастырей со своими товарами, иконами, а иногда и священниками.

Что заставляет верующих включаться в номадический режим религиозности? Как осуществляется и регулируется это движение? Как достигается сложный баланс между свободой и послушанием, модерностью и традицией, который стремятся обрести православные номады?

Не любого человека, которого его вера заставляет пускаться в путь, мы называем номадом. Верующий, совершающий регулярные поездки в свой приход, или священник, по долгу службы участвующий во многокилометровом крестном ходе, не относятся к этой категории. Номадизм, как предлагается его понимать в этой книге, связан с представлением самих православных номадов о том, что сакральные места, где происходит «встреча небес и земли» [Браун 2004], непременно находятся вне мест их постоянного обитания, на периферии современной жизни. Они исходят из того, что, чтобы побыть верующим, нужно покинуть свое обжитое пространство и переместиться за его пределы, в места полу-чужие. В таких местах религиозные номады встречаются с «туземцами» — насельниками монастырей, сельским клиром и местными жителями, — чтобы открыть для себя аутентичную национальную традицию и почувствовать свою принадлежность к ней. В этом стремлении они сходны с коллективами музыкантов-фольклористов, фиксирующими песенное народное творчество, чтобы впоследствии включить его в собственный репертуар. Путешествия к святыням, таким образом, становятся и путешествиями во времени: из рутины настоящего продолженного времени номады временно перемещаются в прошлое неизменное.

Главные герои этой книги — паломники, вернее, паломницы, которые участвуют, иногда или часто, в организованных автобусных поездках выходного дня. Вместе с ними мы отправимся к *намоленным* или еще не вполне *намоленным* местам — к деревенской святыне, в маленький монастырь и на могилу старца. Мы увидим их недоверие к религиозным институтам и потребность в социальной солидарности, телесное и мате-

риальное измерение их веры. Мы попытаемся посмотреть на мир современной российской провинции их глазами — путешественников, отправляющихся в путь, чтобы лично соприкоснуться с сакральным. Мы увидим, какой труд они вкладывают, чтобы получить во время поездки персональный религиозный опыт, пережить свое *малое чудо*, встречу с самими собой, временно свободными от рутинных социальных статусов и обязательств.

Это состояние свободы, сходное с описанным Виктором Тёрнером состоянием лиминальной внеаходимости [Тёрнер 1983; Turner E., Turner V. 1978], создает условия для обращения паломника к собственной внутренней личности, подлинному себе. Эту подлинную внутреннюю личность он ощущает через особое состояние, которое более искушенный верующий мог бы назвать опытом присутствия *благодати*. Современный российский паломник, как правило, не рассчитывает на то, чтобы быть свидетелем чуда у святого места. Не то чтобы он не верит в возможность исцеления или мироточения от иконы, о которых ему рассказывают церковные медиа; он мало верит в то, что такое может произойти с ним лично. О личном опыте чуда, тем не менее, рассказывает едва ли не каждый паломник, но это чудеса невидимые или незаметные для других. Чудесная метаморфоза в таких рассказах происходит не с телом паломника (хотя иногда и с телом тоже), а с его внутренним «я».

Православных номадов нужно было искать в среде их обитания, не внутри церкви, а за ее стенами: в автобусных паломничествах, в очередях к путешествующим святыням, на православных ярмарках, у часовни Ксении Блаженной на Смоленском кладбище в Санкт-Петербурге и в других святых местах. На протяжении своего длительного полевого исследования, которое никогда не прекращалось вовсе, а лишь становилось более или менее интенсивным в зависимости от выполнения преподавательских обязанностей, грантовых и всяких бытовых обстоятельств, я пользовалась разными исследовательскими

тактиками. Назовем их тактиками охотника, собирателя и землепашца. Первая — ограниченная во времени, интенсивная этнографическая работа с глубоким погружением и перемещением в пространстве (из «дома» в «поле») (о концепте «поле» в антропологии см.: [Гупта, Фергюсон 2013]). Такими были мои поездки с паломниками в Ленинградскую, Псковскую, Новгородскую, Свердловскую области, работа на местных святынях, несколько поездок в Свердловскую область, где я наблюдала за жизнью приходских общин и ездила в паломничества, и работа на православных ярмарках в Санкт-Петербурге и Екатеринбурге. Тактика собирателя предполагает постоянное умножение материалов и этнографических наблюдений в ситуациях, изначально не запланированных как исследовательские. Именно такой была моя поездка в Новосибирскую епархию с американским священником о. Грегори Джойсом, проводившим сравнительное исследование уровня толерантности российских и американских священников и нуждавшимся в русскоязычном ассистенте. Таким же неожиданно продуктивным оказалось мое сотрудничество с упомянутой выше норвежским режиссером-документалистом Беатой. Оба случая были ценны не только умножением материалов, но и возможностью увидеть свое поле в новом ракурсе. Отдельными ценными случаями собирательства были встречи и разговоры с коллегами, школьными и университетскими друзьями и их знакомыми, захотевшими впустить меня в свои православные жизни. Наконец, тактикой землепашца я называю знакомый многим антропологам каждодневный сбор информации об изучаемом социальном явлении или группе. Это чтение православных интернет-форумов, сетевых и печатных изданий, просмотр соответствующих новостей и знакомство с документами. Сюда же я отнесла бы свою повседневную работу со студентами, которые в курсовых проектах и других учебных заданиях нередко рассказывали мне то, о чем я не знала или не думала ранее.

Книга состоит из введения и четырех глав. Во введении ставятся основные вопросы, обсуждаемые далее в тексте: что значит быть православным в современной России и что предлагается понимать под православным номадизмом; в чем состоит особенность проведения этнографического исследования в православном поле и каковы границы этого поля; рассматривается свойственная паломническим путешествиям идеология подлинности и основные топосы аутентичности. Также во введении дается историографический обзор антропологических исследований паломничества. Первая глава книги рассказывает о том, как организуется паломничество выходного дня, кто такие *автобусники* и из чего складывается паломнический опыт, ради которого люди отправляются в свои религиозные путешествия. Вторая глава знакомит со священными местами, в которые направляются паломнические группы, созданием и функционированием этих локусов сакральной географии, конфликтами интерпретаций, возникающими между разными группами почитателей святыни. В главе обсуждается концепт *намоленного места*, в котором заключается важная для современных православных идея преемственности религиозной и культурной традиции. Намоленное место понимается как своего рода контейнер для аккумуляции благодати, где можно пережить подлинный опыт принадлежности к традиции, такой же, каким он был у предыдущих поколений паломников. Следование этой идее вырабатывает особые фильтры исторической памяти, сжимающей советское прошлое с его эффективной политикой секуляризации до незначительного размытого эпизода. Здесь рассказывается об истории и современной жизни одной сельской святыни в Северном Причудье (Ленинградская область), а также обсуждается вопрос о роли мощей святых в формировании почитаемого места. Третья глава рассказывает о современном культе святых. В частности, здесь идет речь о феномене живых святых — старцев — на примере почитания сельского священника из Псковской

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru